УДК 342.9

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.В. Алексеев

Московская государственная юридическая академия

Освещается специфика административно-правовых отношений, возникающих в процессе государственного контроля в сфере предпринимательской деятельности в Российской Федерации; динамика развития и возможности совершенствования механизма государственного контроля в области российского предпринимательства.

Прошло то время, когда государство и его политика были попросту преданы анафеме. Нынче лишь упрямые либералы по-прежнему считают государство источником зла, порождающим в обществе неэффективность,

Принцип могущества, принцип сильного государства для России всегда имел особое значение. Обществу необходимо эффективное, предсказуемое и качественное государство, позволяющее ответить на вопросы, стоящие перед страной. Без этого не может быть элементарного социального порядка, невозможны никакие реформы, никакое развитие.[1]

Закончилось первое десятилетие после провозглашения рыночных реформ в России. Сквозь дым финансовых скандалов начинают проступать контуры будущей экономики России. Формируются новые индустриальные лидеры, старые гиганты постепенно превращаются в современные компании. Экономика России либо должна стать эффективной, повторив послевоенный рывок Японии и Европы, либо она больше не будет экономикой развитой страны.

Эффективная экономика – это прежде всего эффективное государственное регулирование.[2]

Государственное регулирование необходимо при реализации всех управленческих функций. Важно лишь правильно определить меру этого государственного регулирования. Эта проблема со всей остротой встает при осуществлении такой функции, как контроль. Контрольно-надзорная деятельность хотя и вторична как вид деятельности, но от ее организации во многом зависит поддержание законности, дисциплины и правопорядка в стране.

Государственный контроль является одним из важнейших инструментов административно-правового регулирования предпринимательства. В условиях приватизации и рыночной экономики, когда ведомственный контроль стал фактически невозможен или возможен в ограниченных рамках (не говоря о его существенных недостатках), значение государственного (внешнего, вневедомственного) контроля неизмеримо возрастает. Но он должен осуществляться в разумных, строго ограниченных законом рамках, по четким правилам, предусматривающим взаимные права и обязанности проверяющих и проверяемых, должен быть организован так, чтобы возможности произвола, злоупотреблений, поборов, коррупции со стороны чиновников контроль-

К сожалению, пока контроль – одно из самых узких мест административно-правового регулирования вообще и в сфере предпринимательской деятельности в частности. В подтверждение приведём цитату: “Мелкий и средний бизнес задыхается под бюрократическим прессом, под налоговым прессом и очень много надо сделать для разбюрокрачивания ситуации, для того, чтобы он задышал и стал действительно, как происходит во многих странах мира, основой экономики”.[3] Это слова из интервью Президента России В.В. Путина.

Предпринимательская деятельность у нас может быть начата только после непростого прохождения государственной регистрации, а многие ее виды подлежат еще более изматывающей процедуре лицензирования с предварительным и последующим лицензионным контролем. При этом каждое ведомство стремится быть включенным в перечень контролирующих органов и лицензировать как можно больше видов предпринимательской и маркетинговой деятельности.

Например, на внутреннем водном транспорте Минтранс России в соответствии с одним Положением лицензирует деятельность по перевозке пассажиров, а по правилам другого Положения – обслуживание пассажиров. Таким образом, если судоходная компания и перевозит и обслуживает пассажиров (эти две услуги трудно разделить), то она должна оформить две лицензии, и Минтранс вправе проводить по этим вопросам раздельные проверки соблюдения лицензионных требований.

Лицензированием и лицензионным контролем занимаются десятки ведомств. Но кроме этого государственным контролем занимаются и многие другие органы. Многочисленные и бессистемные проверки доставляют хозяйствующим субъектам массу хлопот. Они занимаются не столько своим прямым делом, сколько приемами и “ублажением” бесчисленных контролеров и комиссий.

19 февраля 2003 г. в Кремле крупные бизнесмены, представляющие “верхушку” Российского союза промышленников и предпринимателей, обсуждали с Президентом страны предстоящую административную

[1] См.: Лужков Ю.М. Путь к эффективному государству: План преобразования системы государственной власти и управления в Российской Федерации. – М.: Изд-во МГУ, 2002.

[2] В советский период государственное воздействие на экономику обозначалось термином «хозяйственное руководство». См.: Теоретические проблемы хозяйственного права // Под ред. В.В. Лаптева. – М., 1975. – С. 13.

[3] Независимая газета. – 2000. – 26 дек.

реформу. Для олигархов это жгучий вопрос, поскольку не за горами президентские выборы, после которых состав кабинета министров и вообще структура исполнительной власти могут сильно поменяться.

Бизнесменов больше всего интересовал такой аспект административной реформы, как коррупция. Причем чем меньше фирма, тем тяжелее ей приходится. Правительство еще два года назад заявило о том, что начинает дебюрократизацию экономики — сокращение административных барьеров, которые и открывают чиновникам широкие возможности для поборов. Были приняты законы о сокращении лицензирования и проверок, об упрощенной регистрации. Однако эти меры, судя по всему, помогли не слишком: эксперты спорят, не стало ли российским предпринимателям еще труднее. По оценкам международных организаций, Россия находится на 79-м месте по коррупции в мире. А российские чиновники ежегодно получают взятки в 16 млрд долларов – сумма, вполне сопоставимая с той, какую бизнес легально отдает государству в качестве налогов.[4]

Административная реформа должна стать важнейшим фактором в борьбе с коррупцией, заявил на упомянутой встрече с лидерами российского бизнеса Президент России Владимир Путин. "Одними карательными мерами искоренить это зло невозможно. Гораздо продуктивнее создать на рынке условия, при которых правила легче соблюдать, чем обходить. Только четкая и качественная система государственного управления, а также судебная реформа способны ликвидировать основы коррупции"[5], – заявил глава государства.

Исходя из содержания государственного контроля и государственного надзора в области экономических отношений, можно дать им следующую общую характеристику.

1. Контроль как органический элемент текущей деятельности проводится всеми органами государственного управления независимо от того, в какой отрасли они функционируют. Его содержание (в отличие от надзора) является более широким и включает наблюдение за законностью, выяснение того, что сделано, а также вмешательство в оперативную (текущую) деятельность проверяемого объекта, отмену незаконных актов, разбор жалоб, наложение дисциплинарных взысканий и поощрение хороших работников.

2. Надзор как способ обеспечения законности отличается от контроля тем, что он представляет собой постоянное, систематическое наблюдение специальных государственных органов за деятельностью не подчиненных им органов или с целью выявления нарушений законности. При этом оценка деятельности поднадзорного объекта дается только с точки зрения законности, но не целесообразности. Поэтому при надзоре в отличие от контроля вмешательство в текущую административно-хозяйственную деятельность поднадзорного объекта не допускается.

3. В процессе контроля могут применяться меры дисциплинарного воздействия в отношении виновных лиц; в процессе же административного надзора применяются меры административного воздействия к физическим и юридическим лицам.

Существуют различные виды контроля. Так, в зависимости от объема обследуемой деятельности выделяют общий и специальный контроль, причем первый предполагает обследование целого комплекса вопросов деятельности подконтрольного объекта, а назначение второго состоит в осуществлении проверки деятельности подконтрольного объекта по четко определенному вопросу (например, соблюдение сроков хранения продукции). По стадиям проведения выделяют контроль предварительный (предупреждение каких-либо нежелательных последствий), текущий (выяснение правильности совершаемых действий объектами контроля) и последующий (проверка реального исполнения соответствующих предписаний).

Следует отметить, что в чистом, совершенно раздельном виде оба способа обеспечения законности в государственном управлении – государственный контроль и надзор – встречаются крайне редко. Иначе говоря, как в деятельности контрольных органов содержатся некоторые штрихи надзора, так и в деятельности надзорных органов - элементы контроля.

Естественно, никто не отрицает необходимости контроля и надзора, как и существования органов, имеющих соответствующие государственно-властные полномочия для их осуществления. Однако нельзя ставить хозяйствующий субъект в такое положение, когда проверки со стороны органов контроля и надзора следуют одна за другой с применением тех или иных (различных по своим последствиям и тяжести) мер административного принуждения. В качестве примера обратимся к новому КоАП РФ, где перечислены 55 наименований федеральных органов исполнительной власти (от органов внутренних дел до органов государственного архитектурного надзора и др.), на которые в пределах их отраслевой или функциональной компетенции возлагаются контрольно-надзорные функции.

Отметим, что каждый из органов имеет свои процедурные правила, приспособленные прежде всего к ведомственным интересам. Отсутствие до недавнего времени единого порядка осуществления процедур контроля и надзора, а также слабая законодательная база защиты прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от неправомерных действий контрольно-надзорных органов оказывала существенное негативное влияние на становление нормальных рыночных отношений, мешала процессу становления эффективных хозяйственных субъектов. Злоупотребление контрольно-надзорными функциями негативно влияет на предпринимательскую деятельность, в том числе и в сфере малого бизнеса, зачастую парализует инициативу юридических лиц и

[4] Васильченко Е., Владимиров Д. Кремль выслушал ходоков // Российская газета. – 2003. – 20 фев. – № 33 (3147).

[5] Новости Интерфакса. – 2003. – 19 фев.

граждан в расширении сферы производства, оказания услуг и т.п.

До сих пор органы государственного управления не выполняют своей главной задачи по регулированию рыночной экономики – не формируют режим максимального благоприятствования предпринимательскому поведению, соответствующему интересам потребителя.

Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 134–ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)"[6] (с изменениями от 30 октября 2002 г.) урегулировал процедуры осуществления контроля и надзора в сфере предпринимательской деятельности, что повысит уровень защиты хозяйствующих субъектов от неправомерных действий органов, обладающих административной властью. Этот закон можно считать первым значительным шагом на пути к построению цивилизованной системы административно-правовой защиты юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Огромное значение для государства и общества имеет налоговый контроль. От его эффективности в значительной мере зависят обеспечение равных условий деятельности хозяйствующих субъектов, наполняемость бюджета, удовлетворение материальных потребностей общества. В отличие от многих других видов контроля этот контроль регламентирован законом – Налоговым кодексом – и должен бы быть образцовым.

Между тем, если говорить о качестве, обоснованности налоговых проверок, то эксперты межрегиональной общественной организации "Общество налогоплательщиков", детально изучившие информацию о результатах более 100 налоговых проверок, утверждают, что 60 % решений налоговых органов неправомерны частично или полностью и их можно оспорить.[7] Можно, но не оспаривают: себе дороже.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на формальной (процессуальной) стороне проведения налоговых проверок, ибо, как известно, форма неотделима от содержания и влияет на него.

Непосредственно процедуре проверок в Налоговом кодексе посвящено 17 статей. Казалось бы, все наиболее существенные вопросы осуществления контрольных проверок в них должны быть разрешены с учетом интересов государства и налогоплательщиков. Не тут-то было. Согласно Кодексу, налоговая проверка может продолжаться в течение двух месяцев, а в исключительных случаях – в течение трех месяцев (ст. 88, 89). При этом не имеет значения, естественная ли это монополия, крупная фирма, малое предприятие либо мелкий лавочник. Поскольку критерия "исключительности" в Кодексе не дано, фактически любую проверку можно тянуть три месяца.

Но это не все. Оказывается, налоговые органы помимо Кодекса руководствуются ведомственной Инструкцией, согласно которой в срок проверки включается лишь "время фактического нахождения проверяющих на территории налогоплательщика". Если, скажем, проверяющие приходят на проверку раз в неделю, то ее можно растянуть на 60 или 90 недель, а можно и на годы. Как бы отнеслись бы следователи и прокуроры к тому, что в отведенный им законом двухмесячный срок предварительного следствия зачислялось только то время, которое они затратили на производство конкретных следственных действий. Но процессуальные сроки в законодательстве определяются в календарном исчислении. Любопытно, кто и как учитывает часы, фактически проведенные проверяющими на территории налогоплательщика.

Мало того, по Инструкции руководитель налогового органа или его заместитель могут приостановить проверку. Время приостановки, разумеется, в срок проверки тоже не входит.

По результатам рассмотрения материалов проверки руководитель или его заместитель могут принять решение о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля, а вышестоящий орган может назначить повторную проверку в порядке контроля работы нижестоящего налогового органа. Таким образом, налогоплательщика превращают в подопытного кролика.

Поскольку налоговая полиция[8] постепенно добилась почти таких же контрольных полномочий, какими обладает налоговая служба, то в любой момент можно ожидать проверяющих и из этого ведомства.

На одном из московских малых предприятий налоговые инспекторы проводили проверку в конце 2000 г. в течение двух месяцев. В середине декабря 2000 г. проверяющие наконец объявили, что проверка закончена. Предприятие, хотя и малое, работает успешно, исправно платит налоги. Каких-либо конкретных претензий проверяющие не предъявили. На просьбу сообщить результаты проверки последовало загадочное: "Из акта узнаете …", – однако акта о результатах проверки до конца января 2001 г. налогоплательщику не предъявили. Проверяющие и позже неоднократно приходили, рылись в документах, звонили с требованием переслать по факсу бухгалтерскую документацию. На просьбу налогоплательщика ознакомить его в конце концов с актом проверки было заявлено, что проверяющие имеют право составлять его в течение двух месяцев после окончания проверки. Оказывается, согласно упомянутой Инструкции, на составление акта о результатах проверки налоговое ведомство действительно предусмотрело своим чиновникам дополнительно еще два месяца независимо от того, выявлены какие-либо нарушения или нет.

Любые проверки психологически явно или подспудно, вольно или невольно воспринимаются проверяемым как недоверие к нему, подозрение в его честности и законопослушности, ущемляют его конституционные права.

[6] Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3436.

[7] Аргументы и факты. – 2001. – № 3.

[8] В настоящее время функции налоговой полиции переданы органам МВД России.

В свою очередь проверяющий, чтобы оправдать затраченные на проверку немалые время и средства, стремится во что бы то ни стало выискать негатив. В известном смысле законопослушные налогоплательщики оказываются в худшем положении, чем нарушители: проверки у них превращаются в сплошные длительные финансовые ревизии. Иначе как чиновный беспредел это не назовешь. Какие еще необходимы условия для процветания произвола, поборов, коррупции?

Другой предприниматель рассказывает, что во время выездной проверки в его организацию вместе с проверявшими работниками налоговой инспекции неоднократно приходили и помогали им какие-то люди. В ходе проверки у него тоже изымались бухгалтерские документы. Затем их возвращали. Все это делалось без какой-либо мотивировки и надлежащего оформления. При таких условиях невозможно поручиться за полную сохранность документации, за то, что маркетинговая информация, составляющие коммерческую тайну, не станут достоянием конкурентов или мафиозных структур. И спросить за это потом не с кого.

Таким образом, в настоящее время организация государственного контроля вызывает существенные нарекания. Три четверти всех проверок осуществляют контрольные органы, действующие в системе управления. Запутанность и нестабильность самой этой системы, естественно, влечет такую же неразбериху в системе государственного контроля. Следует отметить, что за последнее время контрольный аппарат значительно вырос. Но не всегда этот численный рост оправдан. Существующая практика образования и организационного подчинения контрольных органов чрезвычайно пестра и противоречива. В работе этих органов много параллелизма и дублирования, отсутствуют налаженные контакты и координация их деятельности. Такие недостатки мешают использовать заложенные в контроле потенциальные возможности для совершенствования управления в экономической сфере.

Первоочередная задача при создании системы государственного контроля состоит в том, чтобы найти оптимальные варианты распределения контрольной деятельности между различными органами с учетом конкретного предназначения каждого из них и потребностей практики. Для правильного разрешения вопросов организационной структуры органов государственного контроля и совершенствования нормативной базы их функционирования необходимо:

1) провести “инвентаризацию” всех действующих в исполнительной сфере органов специализированного контроля;

2) пересмотреть ведомственные правовые акты по данному вопросу, в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)”;

3) усилить ответственность Правительства Российской Федерации за состояние контроля, осуществляемого органами исполнительной власти;

4) вывести из состава министерств и других органов исполнительной власти органы с контрольно-надзорными полномочиями, если их соединение в одном органе может привести к коллизиям общегосударственных и ведомственных интересов;

5) устранить дублирование контрольных функций, ликвидировать дублирующие контрольные органы;

6) унифицировать полномочия контрольно-надзорных органов;

7) наладить координацию деятельности контрольных (надзорных) органов.

Сейчас по поручению Правительства в целях устранения так называемого избыточного контроля, дублирования, упорядочения контроля в недрах Минфина России, например, готовится законопроект о финансовом контроле. Однако есть опасность, что на разработку этого документа и его согласование с заинтересованными ведомствами может уйти значительное время.

Кроме того, встает вопрос: как быть с упорядочением налогового, экологического и других видов контроля? Пока на эти вопросы ответа нет. А время и жизнь не терпят.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.В. Маркетинговое право. – М.: Издательство "НОРМА" (Издательская группа "НОРМА-ИНФРА-М"), 2002. – (Краткие учебные курсы юридических наук).
2. Алексеев С.В. Маркетинговое право России: Учебник для вузов. – М.: Издательство "НОРМА", 2003.
3. Алексеев С.В. Правовое регулирование маркетинговой деятельности: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.

УДК 882Ж-95

О СОЧЕТАНИИ ПЕРЕВОДНОЙ И ОРИГИНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ В.А. ЖУКОВСКОГО В "СОБИРАТЕЛЕ" (К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЯ)

И.А. Айзикова*, И.А. Матвеенко**

*Томский государственный университет, **Томский политехнический университет

Первое исследование прозы В.А. Жуковского из его журнала "Собиратель" (1829, №№ 1 и 2) включает анализ как переводных, так и оригинальных прозаических сочинений писателя (в том числе и архивных материалов, ранее не публиковавшихся и не изучавшихся). В статье поставлена проблема их сочетания как выражения особенностей художественного мышления Жуковского, тяготеющего к синтетизму. Исследование позволяет глубже понять своеобразие поздней прозы Жуковского и тех процессов в отечественной прозе первой половины XIX века, генератором которых являлся первый русский романтик.

В 1829 г. выходят в свет два номера альманаха "Собиратель". Работа Василия Андреевича Жуковского над ним была тесно связана с его деятельностью в роли воспитателя наследника престола, Великого Князя Александра Николаевича, и вместе с тем отражала процесс художественной эволюции писателя, как его поэзии, так и прозы. С одной стороны, это было издание, близкое, как указывает А.С. Янушкевич, "к распространенному в просветительской литературе журналу одного автора, своеобразному "зерцалу мудрости" [1, С. 482–483], с другой стороны, это был новый эксперимент Жуковского – создание книги сложной жанрово-родовой природы. "Собиратель" запечатлел поиски Жуковским новых, синтетических форм словесного искусства. Из выписок, переводов и собственных сочинений, из стихов и прозы рождается художественно-философское целое, книги – с очень показательным названием "Собиратель". Этим уже подчеркивалось новое качество художественного мышления и творчества писателя, где постепенно зарождалась идея цельной философии жизни, общего начала, что закономерно влекло за собой тяготение к эпосу, к прозе. Причем в "Собирателе" были собраны произведения, напоминавшие о достижениях Жуковского-прозаика 1800–1820-х гг. (переводная и оригинальная сюжетная, собственно художественная проза /повесть, притча, анекдот/) и обозначавшие перспективу его развития в 1830–1840-е гг. (философско-публицистические статьи, мысли и замечания, также переводные и оригинальные). Жуковский-прозаик заявляет в "Собирателе" о своей эволюции, о повороте к новой прозе.

Сохранившиеся в архиве писателя подготовительные материалы к альманаху [2] позволяют проследить сам процесс работы Жуковского над "собиранием" "Собирателя". Судя по разработанному "Плану журнала", в нем намечались следующие отделы: "Отрывки", "Выписки", "Переписка", "Анекдоты", "Смесь" [2, Л. 1]. Все они предполагают обращение к разным формам сознания с целью создания из фрагментов, из своего и чужого, из единичного и конкретного – общего и целого, некой единой концепции, в которой увязывались бы в один узел проблемы истории, философии, творчества, воспитания. Изначально автор "Собирателя" ставит перед собой познавательно-творческие задачи, решение которых направлено на самостроение, на обретение духовного опыта.

Для начала скажем о составе корпуса прозаических сочинений, вошедших в "Собиратель". Это произведения философско-исторического, нравственно-этического содержания, как переводные, так и оригинальные, представляющие содержание отдела "Отрывки" [1]. Интересным является и состав второго отдела – "Выписки", реализованного в соответствии с планом журнала [2]. Он представляет собой сделанную Жуковским подборку мыслей и афоризмов, иногда переведенных на русский язык, иногда данных в оригинале, "заимствованных из древних и новых классиков", начиная от Гомера, Сенеки и кончая Карамзиным.

В первую очередь рассмотрим материалы отдела

[1] Не все статьи, готовившиеся для «Собирателя», были в нем опубликованы. Например, «Письмо от 2 июня 1829 г.» было опубликовано позднее в «Муравейнике» (1831. – № 2) под заглавием «Письмо к издателю», а статьи «Свет и любовь», «Эпаминонд», «Вступление» к повести «Подмосковная деревня» и несколько неозаглавленных статей (<Дионисий торжествовал в Сиракузах …>, <После двадцатилетнего царствования Марк Аврелий кончил дни свои в Вене … >, <Русский государь должен …> и <Бывают смутные времена …>) вообще остались неопубликованными.

[2] Других отделов в «Собирателе», вопреки плану, нет.

"Отрывки". В № 1 он открывался программной статьей "Взгляд на мир и на человека" [3], в которой рисуется грандиозная картина мироздания, где все находится в движении и взаимосвязано. В этом космическом пейзаже центральное место занимает Солнце, по отдаленности или близости к которому определяется "зрелость" планет. "Меркурий еще во младенчестве; Уран уже почти достиг своего развития: он зависит еще от Солнца, но уже готов сам сделаться солнцем для своих шестнадцати спутников, дабы с ними начать иное бытие в общей системе мироздания. Что же конец Урана, относительно к системе нашего Солнца? Превращение в Солнце" [3, № 1, С. 4]. Так в пространственную модель вводится время; и то, и другое рассматриваются во взаимодействии, определяющем суть "общей системы", состоящей, в свою очередь, из множества живых, развивающихся подсистем.

Солнце в этой "общей системе" – всего лишь одно из миллионов солнц. "Сии бесчисленные <…> солнца также должны иметь большую или меньшую зрелость, смотря по их положению относительно к <…> высшему солнцу; а сие высшее солнце с миллионами ему подобных так же принадлежит к системе еще высшего. И так далее до бесконечности, которой человеческому уму постигнуть невозможно" [3, № 1, С. 4–5]. Картина мира строится на центральной романтической идее бесконечности и, начавшись с точных цифр, отражающих "круговращения" планет, статья заканчивается мыслью о непостижимости бытия, во всяком случае, с помощью человеческого ума. Только воображение, творческая фантазия может представить Вселенную в ее целостности и безграничности одновременно.

В статье с красноречивым названием "Взгляд на мир и на человека" определяется и положение человека в этой системе. Будучи жителем Земли, занимающей свое место в солнечной системе, человек вписывается в вечную жизнь мироздания и провозглашается совершеннее обитателей Меркурия и Венеры, но уступающим в совершенстве "одушевленным существам", населяющим Марс, Юпитер, Сатурн и Уран. Неким абсолютом для выстроенной системы представлен Бог, который находится "над этою бездною величия". Вопросы философии и связанные с ними проблемы эстетики выводятся таким образом в сферу религии. Бог назван в статье властителем, Создателем и Хранителем, с которым соединена мыслью каждая постигающая Его душа. Натурфилософское, раннеромантическое понимание души как малой Вселенной дает о себе знать во "Взгляде на мир и человека", но значительно углубляется (в христианском плане): "Планеты обращаются в пространстве и времени около светил своих; душа вне пространства и времени живет в вечности стремлением к создавшему ее Богу. Светила и планеты переходят из низшего материального образа в высший; а душа по духовной лестнице нравственного совершенства стремится к Божеству, к достижению образа Божия, и вечность есть не иное что, как сие вечное восхождение" [3, № 1, С. 5].

На первое место, как видим, выдвигается любимая Жуковским идея жизнестроения, которая выражается с помощью символического образа лестницы, играющего, как известно, важнейшую роль в христианском учении. "Духовная лестница" трактуется как средство сублимации духа, как своего рода шкала, задающая размеры пути человека к Богу. Это путь вечного восхождения, поскольку целью его является "достижение образа Божия", и вечность понимается не как нечто застывшее, а, напротив, как "восхождение".

Статья заканчивается постановкой важнейшей в романтизме проблемы двоемирия, которая в конце 1820-х гг. также корректируется светом христианского учения, идеей целостности бытия. Мысль о кратковременности пребывания человека на земле, о бренности всех земных благ уравновешивается не только концепцией человека как "вечного сына неба", но и идеей о том, что "ничто, достойное неба, на земле не исчезает: ни одна высокая мысль, ни одно чистое чувство здесь не гибнут". Главным предметом философско-религиозных размышлений в статье оказывается человек, нравственные проблемы личности, вопросы воспитания. "Твори добро на земле <…> но твори добро для неба <…> Земля – училище; жизнь – воспитание; Бог – воспитатель" [3, № 1, С. 6].

Эти мысли, органично сопрягающие религию и нравственность, религию и главный нерв творчества Жуковского – его идею жизнетворчества, почти буквально повторяются в дневнике писателя конца 1820-х – начала 1830-х гг. (особенно в связи с его раздумьями о Великом Князе Александре Николаевиче), в письмах, написанных в это же время к Великому Князю Константину Николаевичу, в альбоме гр. С.А. Самойловой, а позднее – в записных книжках 1840–1850-х гг., которые во многом составили основу поздней прозы Жуковского. Приведем лишь один пример – фрагмент из дневника: "Жизнь есть воспитание. Все в ней служит уроком. Счастье жизни: знать хорошо урок свой, чтобы не постыдиться перед Верховным учителем. Где употребить этот урок в пользу, это знает Учитель" [4, С. 60].

Последняя фраза программной статьи Жуковского – "И все правила нашей жизни заключаются в одном слове да будет Твоя воля!" – выводит читателя на идею смирения как "благоговейного признания зависимости нашей от Бога и согласование мыслей, чувств и дел наших с Его волею" [3, № 1, С. 7]. Эта идея многое будет значить в глубокой философии страдания и скорби, сложившейся у писателя в 1840-е гг. и определявшей его эстетику, его позднее творчество, в первую очередь, его прозу.

Проблематику и пафос статьи "Взгляд на мир и на человека" продолжает легенда "Смерть Адама", переведенная Жуковским из собрания еврейских сказаний И.Г. Гердера ("Iudischen Dichtungen und Fabeln").[4] Наибольшее внимание переводчика привлекает тема смерти. Пересказ легенды, не теряя своего библейского смысла, превращается, между тем, под пером Жуковс-

[3] По предположению Н.Б. Реморовой, эта статья является переводом из какого-то французского сочинения, сделанным под сильным влиянием философских сочинений Гердера. См. об этом подробнее: [1, С. 158–159].

кого в глубоко символический текст с особенно тонким психологизмом, который организуют такие образы, как эдемская ветвь (ее принес для умирающего отца Сиф из Эдемского сада, чтобы "в последний раз утешить его на земле", Адам почувствовал исходящее от нее "благоухание нового света" /выделено нами – И.А., И.М./, после смерти Адама Сиф посадил ее на могиле отца и назвал "ветвью новой жизни, ветвью пробуждения от смертного сна"), великое древо, подкрепляющее многих сынов Адамовых "утешением новой жизни", семя (этим образом Жуковский заменяет при переводе образ цветов), которое не погибает даже тогда, когда все увядает от того, что Давид усомнился в бессмертии, т.е. в слове Божием (так переведено гердеровское "das Wort des Richters" – "слово судьи").

Философия, религия переплетаются здесь с психологией и художественной образностью. Очень интересны, например, некоторые детали текста. Так, первоначально, как и в немецком тексте, в переводной легенде Жуковского Адам обращается к плачущей Еве с просьбой собрать его сынов и внуков. В окончательном варианте появляется образ плачущего Сифа, который в дальнейшем составит многое говорящую для внимательного читателя пару к образу радующегося своей смерти Адама. Важнейшую роль в тексте играют и такие парные образы, как свет и тьма, расцветание и увядание, Эдемский сад и сад Давида. Сама система образов оказывается глубоко символичной: ее построение завершается введением образа Искупителя, кончившего свою святую жизнь "на древе <…> произращенном из семени сего" и тем самым подарившего всем народам новую жизнь.

Как показывает проведенное Н.Б. Реморовой сравнение двух редакций перевода, первоначально Жуковский намеревался закончить легенду словами: "Так перешло оно /древо – И.А., И.М./ к следующим поколениям", опустив таким образом сюжет о сомнении Давида. Ранняя редакция, думается, неслучайно была в конце 1820-х гг. дополнена сюжетом о Давиде и его саде. Легенда наполнилась глубокими христианскими идеями и получила целостность. Ее сюжет выстроился в глубоко содержательную линию: Адам, рассказавший Сифу историю грехопадения, – Сиф, от которого происходят все народы и который обычно рассматривается как мессия, принесший отцу "ветвь радости", после чего Адам (перед смертью) почувствовал "благоухание нового света", – Давид, "впавший в заблуждение и усомнившийся в бессмертии", – Искупитель, от которого "на все народы пролилось благовоние новой жизни".

Две последние (оригинальные) статьи из № 1 "Собирателя", как бы по контрасту к переводной легенде об Адаме, являются чисто публицистическими. Они посвящены общественно-политическим проблемам, в центре которых – вопрос о просвещенном монархе.[5] В статьях "Польза истории для государей" и "Климат физический и нравственный" – исповедание "политической веры" Жуковского, занятого воспитанием наследника русского престола и видящего в этом "благородную миссию". Названные сочинения наполнены убежденностью в благотворности для "просвещения царского" истории, главной науки, которая, будучи освящена религией, даст государю "уважение к человечеству и <…> высокое понятие о его сане" [3, № 1, С. 9]. Эта мысль и определяет пафос обеих статей.

Их форму во многом обусловили вновь возрожденные Жуковским в своем прозаическом творчестве одические традиции. Уже в преамбуле статьи "Польза истории для государей" появляется образ Истории, устами которой и произносятся заветы царю: "Познакомив с судьбою народов и объяснив причины их бедствий и благоденствия во всех временах, История должна сказать ему /государю – И.А., И.М./ <…>" [3, № 1, С. 9–10]. Статья "Климат физический и нравственный" строится на метафоре души государя как климата для управляемого им народа. "Душа государя есть то же для нравственной жизни народа, что климат для жизни физической человека" [3, № 1, С. 11].

В основе обеих статей – довольно стройная общественно-политическая концепция, вполне выдержанная в духе передовых идей своего времени. Первое обращение Истории к государю связано с мыслью о том, что власть царя "происходит от Бога". Это важно не для того, чтобы государь мог поставить себя выше всех остальных, "а для того, чтобы подчинить себя верховному суду Бога" [3, № 1, С. 10]. Здесь приводятся яркие примеры из мировой истории, подтверждающие эту мысль. Имена Людовика XII, Генриха Великого, Иоанна Грозного – это некие символы истории, ее главных законов.

Следующие далее заветы царю представляют собой, по сути, логично выстроенные положения концепции Жуковского. Важнейшим из них оказывается тезис о необходимости уважать закон, и в первую очередь это относится к царю, который должен научить своим примером остальных. Здесь не ставится вопрос о происхождении законов, о соотношении общественных и естественных законов. Благополучие общества связывается с соблюдением закона как такового.

С особой силой в связи с этим акцентируется мысль о необходимости распространения просвещения. Просвещение для Жуковского – основа внутренней свободы человека и общества в целом. Он верит в то, что просвещение – это "сильнейшая подпора благонамеренной власти" [3, № 1, С. 10]. Жуковский ясно видит, что "из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных просвещенных, умеющих ценить благо порядка и законов" [3, № 1, С. 10].

Закон, просвещение и свобода рассматриваются в

[4] См. о чтении Жуковским сочинений Гердера, в том числе и названных еврейских сказаний, а также о характере перевода Жуковским «Смерти Адама» исследование Н.Б. Реморовой [1, С. 168–174]. Здесь же приводится первоначальный вариант перевода, обнаруженный на страницах гердеровского тома из библиотеки Жуковского.

[5] О круге чтения Жуковского в 1820–30-е гг. как отражении его общественной позиции см. в указанной работе А.С. Янушкевича [1, С. 466–520].

[6] Все 56 томов «Натуральной истории» Бюффона есть в библиотеке Жуковского, во многих из них – пометы владельца.

статье как единая цепь. "Свобода и ненарушимость закона, – пишет Жуковский, – одно и то же". Незыблемым столпом общественной жизни признается народ, и потому основой деятельности царя объявляется его уважение и любовь к своему народу. Но превыше всего, превыше царя и народа – добродетель и вера в Бога. Утверждением этого статья начиналась, им она и заканчивается.

Такой же кольцевой композицией отличается и статья "Климат физический и нравственный". Она разделена на две части, зеркально отражающиеся друг в друге. Как уже отмечалось, влияние климата на человека уподобляется действию души государя на нравственное бытие народа. Сама природа учит государя мудрому правлению. Единственным условием общественного благополучия здесь называется уровень нравственности монарха, в руках которого сосредоточено всё.

Раздел "Отрывки" в № 2 "Собирателя" представляет собой не менее целостный текст. Три статьи, вошедшие в него, – "Человек", "Природа, преобразованная человеком" и "Общество человеческое, преобразованное христианством" являют нам целостную философию жизни Жуковского, в которой отчетливо выделяются три уровня: человек – природа – общество. Соответственно названные статьи последовательно поднимают три круга проблем, связанных друг с другом: проблемы нравственно-психологические, философские и общественно-исторические.

Статья "Человек", являющаяся переводом фрагмента из "Натуральной истории" Бюффона [6], задает тон, в ней утверждается концепция личности Жуковского. Ранее писатель уже делал перевод этой статьи – для хрестоматии "Примеры слога" (1805–1806 гг.) (<"Достоинство человека, возвышенность его натуры">) [5]. В "Собирателе" отрывок несколько сокращен и в то же время продолжен размышлением об общественной природе человека. В связи с этим изменился пафос всей статьи, она окажется выстроенной на контрасте общественного и индивидуального начал в человеке. Причем акцент в соответствии с задачами альманаха будет сделан на идее божественного происхождения человека [7], а, с другой стороны, на том, что "человек один ничто; его могущество заключается в его общежитии: оно пробудило его способности, усовершенствовало его ум, соединило его силы; без него человек был бы самое дикое и в то же время самое беспомощное творение" [3, № 2, С. 1–2].

Статья "Природа, преобразованная человеком" также является переводом фрагмента из "Натуральной истории" Бюффона, к которому Жуковский уже обращался в связи с работой над "Примерами слога". В переводе, сделанном для "Собирателя", отчетливо звучит романтическая концепция двоемирия и двойственной природы человека, носителя земного и небесного начал, устремленного к Создателю, но рожденного жить на земле. Усилено и мистическое толкование природы и человека как его части. Приведем варианты перевода: из "Примеров слога" – "Натура есть видимый престол величия Божия. Человек, рассматривающий ее внимательным оком, постепенно возвышается к невидимому престолу всемогущества. Он обожатель Творца и повелитель творений" [5, Л. 32]; из "Собирателя" – "Природа есть откровенный внешний престол величия Божия. Человек, проникая в нее, постепенно возносится к таинственному престолу Его всемогущества. Назначенный обожать Создателя, он в то же время есть повелитель созданий" [3, № 2, С. 2]; или: из "Примеров слога" – "О, сколь прелестна сия обработанная натура! Как она блистает, как великолепна ее одежда под рукою человека! Но сам он есть первая краса ее, благороднейшее ее создание: он размножается, он как будто ее самое размножает. Его искусство извлекает из мрака все драгоценности, в недрах ее сокрытые" [5, Л. 33]; из "Собирателя" – "О сколь прекрасна сия природа, преображенная, украшенная промышленностью человека! И сам он есть главное украшение, есть благороднейшее создание сей природы. Своим искусством он обнаруживает ее тайны" [3, № 2, С. 5].

Наконец, третья статья, также являющаяся переводом (из Ф.-Х.-А. Гассе), вводит человека и природу в контекст истории. Как и в пространственной, во временной модели мира Жуковского точкой отсчета

Бюффон привлек внимание Жуковского в самом начале его творчества. «<…> будущий поэт-романтик <…> с жадностью изучает природу, каждую ее клетку, стремится осмыслить место каждого, даже самого примитивного явления, в системе мира», – справедливо пишет Ф.З. Канунова [1, С. 336]. Наибольший интерес проявляет Жуковский к тому, какое место занимает человек в этой системе, каковы точки его сближения и отталкивания с другими живыми существами и неживыми явлениями природы

[7] Для сравнения приведем два варианта перевода: ранний – «Все в человеке, самая наружность, показывает превосходство над прочими тварями. Он прям, возвышен, одарен видом повелителя. Голова его поднята к небу и представляет привлекательный образ, ознаменованный печатью высокости. В его физиономии сияет душа, во всех телесных органах, во всякой черте лица, оживленного небесным огнем, видно совершенство его натуры. Величественность стана, смелая, мужественная поступь возвещает сан его и благородство; он прикасается к земле одними крайними частями тела, видит ее в отдалении, как будто ею пренебрегает» [5, Л. 28–28 об.]; из «Собирателя» – «Все в человеке и самая наружность являет его превосходство над другими живущими тварями: стан его прям и возвышен, вид повелителен, голова подымается к небу; на лице его печать достоинства; образ его выражает душу; высокость его назначения проникает сквозь грубые члены телесные и светом божественным сияет в чертах лица его; величественная осанка, твердая и смелая поступь означают благородство и первенство; он кажется не принадлежащим земле; он видит ее издали и, попирая ногами, как будто пренебрегает ее» [3, № 2, С. 1].

[8] Комментатор в ППСиП рассматривает эти стихотворения как парные: первое дидактическое уравновешивается вторым, написанным в шутливой форме [6, С. 648].

оказывается Бог, христианская вера. Фрагмент четко распадается на две части: рассказ о дохристианском периоде истории человечества, который строится на идее разрушения (“нравы римлян были испорчены”, “законы умолкли, разум оцепенел”, “общественное и политическое здание древнего света готово было исчезнуть”, “последнее прибежище гражданственности было разрушено” и т.д.), и гимн христианству, Евангелию, которые “низлили с неба спасительный свет” созидания. “Евангелие любви христианской и веры христианской все изменило: нравы и законы, искусства и науки, человека и народы, слабых и сильных, подданных и Царей!” [3, № 2, С. 8]. Не менее отчетливо звучит противопоставление философии, которая оказалась бессильной против безнравственности, неспособной соединить идеал и действительность, и христианской веры, которая восстановила органическую целостность бытия, будучи доступной всем: “каждому возрасту, каждому состоянию; в них откровение всех наших надежд, всего, что мы должны знать, чувствовать, желать, творить, чтобы быть людьми, гражданами, супругами, отцами, детьми, христианами!” [3, № 2, С. 9].

С особой силой Жуковский настаивает на том, что приход к религии – это поворот к реальному человеку и реальному бытию. “Убедительнее всех философий <…> Евангелие изъяснило нам природу человека: и что он есть, и что человечество”, – говорится в статье. Именно вера позволяет человеку прикоснуться к “вечному источнику бессмертия”, “освящает его земную жизнь” и одновременно указывает “на дорогу неба”. Жуковский будет много писать об этом в своих письмах и дневниках 1830-х гг. и в своей поздней прозе.

Раздел “Выписки” является в “Собирателе” органическим продолжением “Отрывков”. Чрезвычайно значимой здесь оказывается тенденция к созданию некоего единого, очень сложного по структуре, синтетического текста. Чередование стихов и прозы, переводных и оригинальных фрагментов, по-видимому, является для Жуковского принципиальным. Во всяком случае, этот принцип в № 2 “Собирателя” был перенесен уже и на раздел “Отрывки”. Кроме названных выше трех статей, в него вошли три стихотворения – неизвестного автора на немецком языке “Gott und Natur”, оригинальное, по всей вероятности, стихотворение Жуковского “Смертный и боги”[8] и отрывок из поэмы А.С. Пушкина “Полтава”. Они продолжают тематику и пафос прозаических статей отдела, который завершается подборкой “Мысли, заимствованные из древних и новых классиков”, где приводятся “мысли” как в стихах (фрагменты из Гете, Вольтера в подлиннике и параллельно в переводе Жуковского), так и в прозе (из Сенеки, Саллюстия, Фукидида, Бэкона, Мюллера – также на русском языке и на языке оригинала). Их темы – Бог, человек, время. Раздел “Выписки” в обоих номерах альманаха делится на более мелкие рубрики, рубрики на отдельные “выписки” количеством от одной до десяти. Границы между “выписками”, рубриками полустерты, поскольку в целом текст подчинен какой-нибудь одной идее, грани которой определяют название подборок, собирающихся в единый раздел. Так, “Выписки” в № 1 делятся на 6 рубрик: “Ничтожность человека на земле”, “Памятники”, “Поэзия”, “Предание”, “Письмо”, “История”, уже в заглавиях которых прочитывается единая, но многогранная концепция.[9]

Если говорить об объемном соотношении разного рода выписок, то следует указать на увеличение прозаического непереведенного текста в № 2. Здесь встречаем выписки из Шиллера в рубрике “Породы и степени гражданственности” и из Гердера и Расина в неозаглавленной пятой рубрике. Такие разделы, как “Человек предмет истории”, “Природа человека и его отношения”, практически полностью прозаические. В № 1 “Собирателя” прозаический фрагмент из Оссиана, озаглавленный “Барды”, и прозаическая выписка на языке оригинала из Гердера органично вошли даже в рубрику “Поэзия”. “Ничтожность человека” состоит из трех фрагментов – стихотворный перевод из “Илиады” обрамлен прозаическими “выписками”. Однако весьма примечательно, что раздел “Поэзия” все-таки в основном стихотворный, а “История” – прозаический (за исключением одной выписки из Гердера).

При этом стихо-прозаическая, как и “оригинально-переводная” граница между выписками не проявлена резко, создается впечатление, что одна форма записи той или иной мысли сменяется другой. Рассмотрим, например, подборку “Памятники” из “Выписок” в № 1 “Собирателя”. Она открывается непереведенным прозаическим фрагментом из Шлегеля, далее идет прозаический текст на французском языке, подписанный “Paroles de Périclès”. Оба текста посвящены важнейшей в творчестве Жуковского, особенно в 1820–1830-е гг., теме воспоминания, памяти. Они органически продолжены стихотворной выпиской из Гете на немецком, параллельно которой дан перевод Жуковского (“То место, где был добрый, свято!”). Заключающий подборку стихотворный текст (“Кто скрыт во глубине сих грозных пирамид?”) дан, напротив, сначала в переводе, потом в подлиннике. В результате каждая “выписка” и волнующая Жуковского тема в целом погружается в широчайший и глубочайший мировой культурный контекст, вызывая множество ассоциаций, размышлений об эволюции этой темы в истории человеческой культуры. Мысль оживает, философская тема окрашивается разными эмоциями и становится поэтической, провоцирующей читателя на воспоминание о разных пластах культуры человечества. Никакой мотивации перехода от стиха к прозе, от перевода к подлиннику не требуется в силу жанрово-родовой специфики не только

[9] «Выписки» в № 2 состоят из следующих отделов: «Человек предмет истории. Воспитание рода человеческого. Достоинство человека», «Природа человека и его отношения», «Породы и степени гражданственности», «Уважение древних римлян к земледелию» и раздел IV – без заглавия.

[10] Глубокие размышления исследователей о таких текстах, как «Свет и любовь» (перевод из Гердера) и «Бывают смутные времена…» (вольный перевод из Энгеля, продолженный собственными мыслями Жуковского), освобождают нас от необхо-

раздела “Выписки”, но и всего альманаха в целом, призванного собрать из отдельностей единую концепцию. Таким образом, в “Собирателе”, безусловно, существуют более или менее четкие границы между разделами, отдельными текстами, между прозой и стихом, между текстом самого Жуковского и других авторов, но эти границы не разрушают единства альманаха, а, напротив, способствуют его многогранности, универсальности, целостности.

В первую очередь эта целостность поддерживается единым “сюжетом”, единым содержанием альманаха. В нем варьируется, по сути, одна тема – человек и его место в мире. Она развивается в самых разных аспектах, вглубь и вширь, выстраивая типичную для позднего романтизма концепцию: признание объективной противоречивости бытия как драматического и даже трагического условия вечного совершенствования человека и мира. Эта идея осложняется темами исторического, общественно-политического и нравственно-психологического планов. Альманах собирает в себя тексты самых разных авторов, принадлежащих иногда к прямо противоположным эпохам, убеждениям. Но всегда это универсальные личности, соединяющие в себе поэта, философа, историка, политика.

Настоящее и прошлое, свое и чужое объединяются в одном течении мысли, при этом демонстрируется сам принцип работы человеческого сознания, легко преодолевающего временные и пространственные границы, не поддающегося логической выпрямленности. “Собиратель” Жуковского – это воплощение живой мысли человека, забегающей вперед, по нескольку раз возвращающейся назад, меняющей интонацию, рассматривающей объект с разных, самых неожиданных сторон и т.д. Позднее по этому принципу будут создаваться записные книжки Жуковского, которые он сам будет называть “Мысли и замечания”. Так будет собираться том поздней прозы писателя в его последнее прижизненное собрание сочинений.

Именно в синтетической природе “Собирателя” как единого текста Жуковский выразит основные идеи своей концепции мироустройства, своей философии человека. Подчиненные воспитательно-педагогическим задачам два номера “Собирателя” помогали самому Жуковскому подняться на новую ступень познания мира и себя, решать проблему пути к идеалу и в отношении к своему ученику, и в отношении себя лично. Это был новый этап самообразования и самовоспитания, когда Жуковский вновь, но по-новому обратился к трудам тех западноевропейских мыслителей, с которыми он познакомился в самом начале своего творчества. Одним из основных для Жуковского опять становится вопрос о выполнении своего общественного долга, о деятельности для общества, которая теперь не мыслится без деятельности для себя. “Собиратель” открывает нам особый тип личности, находящейся в непрерывном процессе самостроения, “собирания” себя по частичкам в целое.

Интересно обратиться к материалам, подготовленным для “Собирателя”, но не вошедшим в него.[10] В первую очередь внимание привлекает неозаглавленный текст, который в бумагах Жуковского значится под условным названием “Речь философа Аполлония при встрече гроба с прахом Марка Аврелия в Риме”. Проблематика “Речи” связана с одним из главных в “Собирателе” вопросов – о монархе, о его взаимоотношениях с подданными, о добродетели как основном препятствии тирании.

Марк Аврелий – фигура, привлекавшая внимание Жуковского, начиная с 1800-х гг., прежде всего как идеальная личность, образец нравственного совершенства. Имя Марка Аврелия вошло в список выдающихся греческих и римских поэтов, историков, философов, ораторов, который был составлен Жуковским на нижней обложке книги И.И. Эшенбурга “Handbuch der klassischen Literature” (Berlin, 1792), когда он читал ее, работая над “Конспектом по истории литературы и критики”(1800-е гг.). Переводы, выполненные для хрестоматии “Примеры слога” – “Сон Марка Аврелия”, “Смерть Марка Аврелия”, встают в один ряд с такими немаловажными фактами творческой биографии Жуковского, как чтение в указанный период “Мыслей императора Марка Аврелия” (Pensées de l’empereur Marc Aurèlle – Antonin. Paris, 1803; личная книга поэта содержит множество помет), открытие первого номера изданного Жуковским “Вестника Европы” портретом Марка Аврелия и помещением далее отрывка из Гиббона “Характер Марка Аврелия”, в котором акцент делается на “добродетели строгой и деятельной”, “способности покорять тело душе и страсти рассудку, почитать добродетель единственым благом, порок единственным злом” [7]. Интерес к Марку Аврелию как к идеальному монарху проявится и в статье, подготовленной для “Собирателя”.

В параллель статье о Марке Аврелии дана статья <”Русский государь должен быть предпочтительно русским …”>. Вероятно, это оригинальное сочинение Жуковского, посвященное одной из сложнейших проблем соотношения государственных и национальных, народных интересов в деятельности монарха. Это гимн русскому народу, хранителю трона и царя, перекликающийся своим содержанием и пафосом с созданным Жуковским несколько позднее государственным гимном “Боже, царя храни”. Однако, в отличие от торжественного “Боже, царя храни”, выходившего в печать с подзаголовками “молитва русского народа”, “народная песня”, “песня русских солдат”, “русская народная песня”, прозаическая статья, готовившаяся для “Собирателя”, поднимает сложнейшую проблему уважения государя к своему народу. Статья заканчивается грозным и мудрым предупреждением: “оскорбление народной гордости не прощается, оно производит ненависть, может произвести и мятеж” [2, Л. 22]. Звучащая здесь тема революции, насилия и как ее альтернативы – про-

димости их подробного анализа. См.: [1, С. 175–177 и 483–484].

свещения народа – серьезно занимает Жуковского на рубеже 1820–1830-х гг., о чем свидетельствует и его библиотека [1, С. 466–522].

В папке с подготовительными материалами для “Собирателя” сохранился еще один текст, который остается неопубликованным до сих пор. Это “Подмосковная деревня”, отрывок, которому автор дал подзаголовок “Русская повесть”. Жуковским было написано только “Вступление”. “Подмосковная деревня” – уникальное явление, представляющее собой очередную (и одну из последних) в творчестве писателя, практически единственную после “Вестника Европы” попытку создать оригинальную повесть. Уже в подзаголовке читателя ориентируют на национальный колорит произведения. “Русская повесть”, судя по дошедшему до нас отрывку, должна была быть написана на материале современной автору будничной жизни русского помещика Лугова, живущего верстах в сорока от Москвы, “вправо от большой коломенской дороги” [2, Л. 26].

“Вступление” являет собой начало повести, в котором читателя знакомят с героями, местом и временем действия. По-видимому, Жуковский хотел изобразить главного героя повести как типичного провинциального дворянина – человека, живущего проблемами воспитания детей, сохранения семьи, дома и не в последнюю очередь озабоченного самовоспитанием, самообразованием.

Развитие действия, намеченное во вступлении, подчинено именно этим целям. Повествование начинается с того, что Лугов восстанавливает семью: оставшись вдовцом, он приглашает к себе в имение сестру, также потерявшую мужа и ставшую матерью не только своих детей, но и детей Лугова. Кроме того, в действие вводится еще один персонаж – молодой сосед Лугова, Пригорский, приехавший в деревню из-за границы, где он “путешествовал <…> из любви к учению”. Так у главного героя появился друг и умный собеседник. Общая забота о детях восстанавливает и прерванную, было, связь Лугова с братом, который живет в Петербурге и которому Лугов отправляет “в виде журнала каждую неделю” своего рода отчет обо всем, “что у них было читано, о чем говорено и пр., и пр.” [2, Л. 26 об.].

Журнал Лугова и составляет большую часть “Вступления” к повести. Он состоит из шести разделов, каждый из которых освещает одно из направлений воспитательного процесса: “Преподавание наук”, “Прогулки”, “Разговоры домашние”, “Чтение”, “Увеселения” и “Посторонние известия”. Журнал Лугова, написанный от лица автора в виде тезисов, напоминает план воспитания наследника престола, составленный Жуковским. Особое место в нем отводится идее воспитания гармонически развитой личности, близкой к природе, образованной, умеющей свободно ориентироваться в реальной действительности. Таким образом, “русская повесть” превращается на глазах читателя в некий трактат по воспитанию, чем, по-видимому, и объясняется то, что Жуковский не стал ее дописывать и публиковать.

Наконец, для “Собирателя” готовились биографические очерки, вероятно, переводные – “Эпаминонд” (о жизни известной исторической личности, фиванского полководца Эпаминонда) и неозаглавленный <Дионисий торжествовал в Сиракузах …> (о двух братьях, Тимофеоне и Тимолеоне, живших в 4-м веке до н.э. в Сиракузах). В очерках упоминаются основные вехи жизненного пути героев. Построенные на реальном и легендарно-историческом материале, очерки представляют собой вполне законченные портреты героической личности, которая может служить образцом для подражания. Главной ее заслугой признается высочайший уровень нравственности, любовь к наукам и уединению, разумная умеренность во всем и набожность. Такая модель великого человека сложилась у Жуковского в самом начале его творчества. Ей он остался верен и в 1820–1830-е гг., когда одним из ведущих прозаических жанров Жуковского стал именно очерк-портрет того или иного реального лица.

Таким образом, неопубликованные материалы “Собирателя” также свидетельствуют об активном взаимодействии иноприродных текстов, явлении, которое становится важнейшим принципом поэтики альманаха как единого синтетического текста, призванного выразить некую единую концепцию, идею бытия.

Делая общее заключение, следует отметить, что “Собиратель” являет собой оригинальное по структуре сочинение, единство которому придает особенный, связанный с эстетическими исканиями Жуковского рубежа 1820–1830-х гг. авторский ракурс мировидения, синтетический по своей природе. Жуковскому удалось новыми средствами изобразить широкую картину мира. Его внимание обращено к сложнейшим философским, нравственно-этическим, психологическим проблемам, которые принципиально рассматриваются как взаимосвязанные, составляющие некую целостность, включающую в себя и личный взгляд, и обобщение. На смену стихам в альманахе органично приходит проза, стихи и проза, оригинальные сочинения и переводы могут идти как бы в параллель друг другу. Философия включается в психологию, художественный текст дополняет философский и т.д. Тем самым обозначаются новые тенденции творчества Жуковского как в области поэзии, так и в прозе.

Свободная композиция отдельных номеров “Собирателя” и их подборок в целом не дает возможности усмотреть какой-то один последовательно выдержанный принцип организации материала. Беспорядка же не возникает в “Собирателе” в связи с тем, что в нем последовательно реализуется идея свободного органического соединения того, что до сих пор считалось (в эстетических учениях) несоединимым. В расположении материала не последнюю роль играют ассоциативная логика, сложность живого взгляда на мир, воссозданная Жуковским многогранность человеческого сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека В.А. Жуковского в Томске. – Ч. 1. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 529 с.
2. РНБ. – Ф. 286. – Оп. 1. – № 125. – 31 л.
3. Собиратель. – 1829. – № 1, 2.
4. Жуковский В.А. Дневники / С примеч. И.А. Бычкова. – Пб., 1903. – 536 с.
5. РНБ. – Ф. 286. – Оп. 1. – № 16. – 42 л.
6. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. – Т. 2. – М.: “Языки русской культуры”, 2000. – 840 с.
7. Вестник Европы. – 1808. – № 1. – С. 41–42.